ные различия на уровне идиолекта в этом случае не принимаются во внимание. Это — диалект (в значении говор), нормированный литературный язык, язык памятника или группы одинаковых памятников. В этом случае между языковым понятием и его текстуальным соответствием не может быть вставлено никакого другого лингвистического определения. Например, если имеется «говор деревни X», то он далее может быть определен по включению в бóльшие языковые объединения как вологодский, сев.-великорусск., русский, восточнославянский, славянский, индоевропейский, но ни одно из этих определений не может быть вставлено между определением «говор деревни X» и текстом (реализацией в речи жителей дер. X).

Неоднозначное отношение между языковым идиомом и текстом имеет место тогда, когда языковому идиому соответствует более одной разновидности речевой реализации, каждая из которых имеет однозначное соответствие с языковым понятием более низкого ранга. Такова бóльшая часть используемых в лингвистике языковых понятий (национальный, славянский, романский, индоевропейский, язык, с.-в.-р. наречие и т. п.). В этом случае между языковым понятием и его речевой реализацией можно вставить одно или более других уточняющих определений по включению во все меньшие языковые объединения.

Из сказанного вытекает, что бóльшая часть используемых в лингвистике конкретизирующих языковых определений имеет в то же время обобщающий характер. Создание таких обобщающих определений вызвано классификационными потребностями — стремление объединить многочисленные речевые формы по какому-то признаку и противопоставить, отличить их от собраний других речевых форм.

Объединение разных речевых форм в рамках обобщающих языковых определений аргументируется как собственно лингвистическими показателями, так и экстралингвистическими, в том числе социальными. Экстралингвистические мотивы объединения речевых форм в рамках обобщающего языкового определения могут быть очень разнообразны. Они зависят как от объективных обстоятельств, так и от субъективных решений исследователя. Следствием последнего, между прочим, является возникновение терминов неточного содержания. Ср., например, разнообразие значений таких терминов, как «разговорная речь», «общенародный язык» [3]; в исследованиях по проблемам формирования и функционирования литературных языков используются термины «народно-разговорная речь», «разговорная форма литературного языка», «повседневно-разговорная устная речь» без достаточно ясного их определения [4]. Только лингвистическая аргументированность термина, по-видимому, исключает такого рода неясность.

В рамках проблемы «язык и диалект», обычно обсуждаемой в лингвистической литературе, термин «язык» употребляется не в своем общем исходном значении, а в значении некоторого конкретизирующего обобщения (или обобщающей конкретизации) — в значении национального, общенародного языка, языка народности, национальности и т. п.

Национальный язык как обобщающая языковая категория охватывает собрание диалектов, распространенных на территории, занятой данной нацией, литературный язык и формы речи, промежуточные между диалектными и литературными [5].

---

[3] Русская разговорная речь. М., 1973, с. 5; Общее языкознание, Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 529.

[4] Так, например, *Журавский А. И.* О письменной и разговорной форме белорусского языка.— «Вопр. языкознания», 1973, № 3, с. 28.

[5] Такое понимание национального языка см. «Вопросы формирования и развития национальных языков.— Тр. Ин-та языкознания АН СССР, 1960, т. X, с. 5; Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 7; Русская диалектология под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972, с. 5; правильной представляется предложенная М. М. Гухман интерпретация национального языка не как специфической формы существования языка, а как «этапа в развитии форм существования языка, соотнесенного с процесса-